

В павильоне витал сладкий, дурманящий аромат благовоний. Старшая принцесса, воплощение величественности, восседала на главном месте, облаченная в багряное дворцовое платье. За ухом, словно драгоценная капля, покоилась заколка из красного золота с вкраплением мерцающего пера зимородка. Изящные черты ее лица украшала легкая, едва уловимая улыбка. Пронзительный взгляд, упавший на Хэ Ланьлина, выдавал сдержанность и силу человека, привыкшего к высшим ступеням власти.

«Наконец-то, юный господин Хэ», — прозвучал ее голос, теплый, но с ноткой строгости, когда она слабо улыбнулась, увидев вошедшего. «Ступайте сюда, позволяя мне вас разглядеть».

Хэ Ланьлин, повинувшись, шагнул вперед, замер перед ней, руки вдоль тела, в покорном ожидании.

«Истинно прекрасен», — промурлыкала принцесса, оглядывая его довольно внимательно, в глазах ее читалась теплая привязанность старшей к драгоценному младшему. «Подойдите ближе, юноша, не стесняйтесь. Природа щедро одарила вас чертами, столь пропорциональными... даже превосходящими красотой тех, что недавно побывали у Анле».

Ее слова звучали как непринужденная похвала, но для Хэ Ланьлина они несли иной, более тревожный смысл, намекая на то, что он не более чем очередная утонченная игрушка.

«Ваше Высочество, я польщен», — прошептал Хэ Ланьлин, опуская взгляд.

«Где же здесь похвала?» — рассмеялась принцесса, изящно поправляя прядь волос. «Кстати, Анле всегда отличался добротой. Некоторое время назад он приютил у себя юного пажу, весьма миловидного. Предполагалось, что тот будет растирать чернила для господина, но мальчишка, видимо, решил, что это слишком низкое служение, и попытался возвыситься по социальной лестнице».

Она тихо вздохнула, и в ее голосе прозвучала нотка бессилия, будто она делилась обычной семейной заботой. «Разве не возмутительно? Анле не выдержал и отправил его обратно. Боюсь, если об этом стало бы известно, мой сын прослыл бы, как человек, неспособный управлять своим домом должным образом».

Принцесса сделала паузу, отпила глоток из чашки и продолжила: «Позже я узнала, что этот ребенок, вернувшись домой, через несколько дней тяжело заболел». В ее тоне проскользнула даже нотка сожаления: «Жалкое было создание, вероятно, просто ему не повезло».

Под сенью благовоний, источавших мягкий, убаюкивающий аромат, Хэ Ланьлин почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он знал, что это не была случайная хворь; принцесса, без сомнения, приложила руку к его судьбе, но искусно представила все как прихоть жестокой судьбы.

«Анле слишком мягок сердцем», — заметила принцесса, ставя чашку. Затем, вновь обращаясь к Хэ Ланьлину, ее нежный взгляд стал пристальнее. «Но к тебе он испытывает совершенно иные чувства; слышала, он даже наградил тебя золотым кулоном?»

Сердце Хэ Ланьлина сжалось. Опустив голову, он ответил: «Это милость хоу».

«Очень хорошо», — принцесса улыбнулась, но улыбка не коснулась ее глаз. «Ты разумный ребенок. Ты должен понимать, о чем можно думать, а о чем нет. Анле — мое единственное дитя. Он вырос под моей опекой и, возможно, немного избалован, но сердце у него доброе».

Она внезапно наклонилась ближе, понизив голос: «Просто служи ему верой и правдой. Не будь похож на тех невезучих, что вечно стремятся взобраться выше. Помни, чем выше ты поднимаешься, тем больнее падать, и тем больше страданий причинишь своей семье».

С этими словами она подмигнула стоявшей поодаль старухе. Та, немедля, приблизилась, неся тяжелый деревянный поднос, на котором возлежали десять золотых слитков.

«Это моя награда, — объявила принцесса, — Работа в резиденции хоу – дело непростое. Возьми, они тебе пригодятся для подношений».

Хэ Ланьлин окинул взглядом аккуратно сложенные слитки, низко поклонился и принял поднос. «Благодарю за вашу щедрость, принцесса. Я непременно исполню свой долг и буду служить вам от всего сердца».

«Да, и постарайся не заставлять Анле ждать», — принцесса махнула рукой. Ее улыбка по-прежнему была мягкой, но скрытая в ней угроза заставила Хэ Ланьлина покрыться холодным потом.

Вернувшись в резиденцию хоу, Хэ Ланьлин обнаружил Ли Анле, сидящего на корточках под карнизом, увлеченно играющего с белоснежной персидской кошкой. Услышав шаги, он обернулся, в руке — недоеденный кусочек вяленой рыбы. «Матушка звала тебя. Что она тебе сказала?»

Хэ Ланьлин замер, руки вдоль тела. «Ее Высочество принцесса поручила мне хорошо служить хоу», — его голос был ровным. «Она также преподнесла мне несколько подарков».

«О», — Ли Анле бросил рыбу кошке, хлопнула в ладоши и встала. «Подарок от матушки? И что же это?»

«Ее Высочество принцесса наградила тебя десятью золотыми слитками», — ответил Хэ Ланьлин, по-прежнему неподвижно стоя.

Ли Анле небрежно промычал: «Бери, раз дают». Затем, с игривой улыбкой, он повернул к нему голову: «Матушка подарила тебе их? Или давала какие-то наставления? Не говорила, чтобы ты вел себя прилично, или что-то в этом роде?»

Хэ Ланьлин опустил глаза: «Ее Высочество принцесса сказала, что мне следует держать свои мысли под контролем и не иметь никаких неуместных идей».

«Мысли, которых тебе не стоило бы иметь?» — Ли Анле усмехнулся. «Ну что ж, матушка хочет, чтобы ты вел себя хорошо, а я хочу, чтобы ты сегодня вечером вернулся со мной в мою комнату и спал под одним одеялом. Что скажешь?»

Хэ Ланьлин помедлил, затем ответил: «Я буду подчиняться вашим приказам, Ваше Высочество. Я учту наставления принцессы, но в этом поместье ваши желания, естественно, будут иметь приоритет».

Ли Анле на мгновение опешил, а затем рассмеялся. Он протянул руку и ущипнул Хэ Ланьлина за щеку: «Ты умен. Стоило тебя держать. Ты куда приятнее на вид, чем те болваны, что были раньше».

С этими словами Ли Анле, не говоря больше ни слова, повернулся и направился прочь. «Пойдем, на кухне уже приготовили обед, будем ужинать».

«Да», — ответил Хэ Ланьлин и молча последовал за ним.

Легкая походка Ли Аньле, словно эти сказанные ранее слова были лишь мимолетными замечаниями, контрастировала с едва уловимым напряжением в голосе Хэ Ланьлина.

Войдя в столовую, они увидели стол, уставленный дымящимися блюдами. Чжи, суетясь, расставляла посуду. Увидев их, она быстро приветствовала с улыбкой: «Господин, сегодня кухня приготовила ваши любимые тушеные рыбные ломтики, пельмени с крабовой икрой и этот суп из кокосовой пории, специально приготовленный для вашего здоровья».

Ли Аньле хмыкнул и направился напрямиком к главному креслу. Он поднял взгляд на Хэ Ланьлина, все еще стоявшего рядом, и поднял бровь: «Зачем стоишь? Садись и ешь».

За полтора дня Хэ Ланьлин неплохо уяснил характер Ли Аньле. Пока он будет подчиняться его желаниям и позволять делать все, что тот захочет, они смогут сосуществовать мирно.

Поэтому он больше не отказывался и занял свободное место сбоку.

Увидев, что тот охотно сел, Ли Аньле едва заметно улыбнулся. Взяв палочки, он достал маленький пельмень, проделал в нем небольшое отверстие, подул на него и небрежно сказал: «Суп вкусный. Налей мне тарелку».

Услышав это, Хэ Ланьлин тут же встал, начерпал миску голубинового супа и протянул ему обеими руками.

Ли Аньле взял чашу, сделал глоток и кивнул: «Всё в порядке. Можешь и себе налить, не нужно постоянно меня обслуживать».

Хэ Ланьлин согласился и тоже налил себе миску.

Аромат кокосовой пории в супе смешивался с пикантным вкусом голубинового мяса, плавно скользнул по горлу, даря приятное ощущение.

Он ел тихо, изредка Ли Аньле небрежно замечал: «Этот кусочек рыбы неплох», и Хэ Ланьлин откусывал кусочек, ничего не говоря, просто соглашаясь с тем, что сказал Ли Аньле.

Вскоре после того, как Ли Аньле отложил палочки, в его миске еще оставалось немного риса, что указывало на то, что он мало съел.

Чжи, наблюдавшая со стороны, наконец не смогла удержаться и шагнула вперед: «Господин, не хотите ли еще пару кусочков? Эти паровые булочки были приготовлены рано утром, они будут невкусными, если остынут».

Хэ Ланьлин сидел напротив и наблюдал за происходящим.

Чжи лучше всех понимала темперамент хоу. Если следовать его указаниям, можно жить мирно. Но она настаивала на том, чтобы высказаться и убедить его. Возможно, это было связано с их тесной связью с детства. Даже зная, что это может его рассердить, она не могла удержаться и добавила еще несколько слов.

Ли Аньле слегка нахмурился: «Я же сказал, что не буду это есть».

Взгляд Ли Аньле скользнул по блюдам на столе, затем он внезапно взял палочки, достал ломтик тушеного утиного языка и, не говоря ни слова, поднес его к губам Хэ Ланьлина:

«Попробуй».

Хэ Ланьлин слегка наклонил голову, открыл рот, чтобы поймать еду, и медленно стал жевать.

Ли Аньле, похоже, нашел себе занятие по душе, взял еще один кусок нежного тушеного голубинового мяса и отправил ему в рот: «Ешь и это тоже».

Хэ Ланьлин продолжал сотрудничать, принимая все, что ему давал Ли Аньле, без единого слова и колебания.

Ли Аньле все больше увлекался игрой, кормя Хэ Ланьлина пельменями с креветками и ложками сладкого супа один за другим.

Чжи наблюдала со стороны и втайне вздохнула с облегчением. Увидев, что Ли Аньле не сердится, она тактично отошла к двери.

<http://bllate.org/book/17608/1642513>